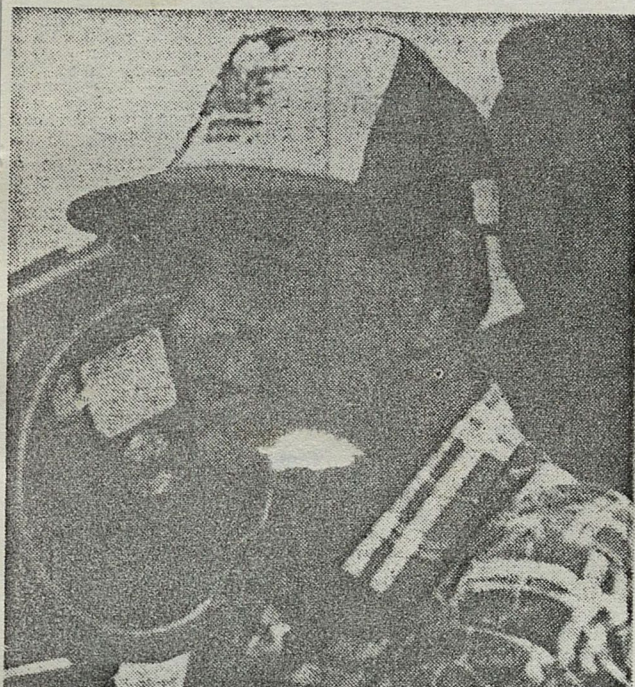

Владимир
МОТЫЛЬ:

Я ВСЕГДА ВЕРИЛ В ГОСПОЖУ УДАЧУ

Существуют почетные звания народный артист, народный художник, и если бы подобные звания присуждались фильмам, то картина В. Мотыля «Белое солнце пустыни» заслуженно именовалась бы народным фильмом. Всенародно любимой, цитируемой повсюду ленте исполняется 25 лет.

«Звезда пленительного счастья», «Женя, Женечка и «катюша» — эти фильмы хорошо знакомы зрителям. Последняя работа режиссера «Расстанемся, пока хорошие» недавно дважды демонстрировалась по ТВ. Снятая по идеям Ф. Искандера, это история о гордом абхазце и его соре с соотечественниками, которые пытаются его унижить. Но не тут-то было. Пришлось им звать на помощь казаков и даже российскую армию.

Кавказ и Россия — тема актуальная сегодня, как никогда. Привлекла режиссера аж семь лет назад. Предчувствие? Предвидение? Совпадение?

— Скорее, тревога, — отвечает В. Мотыль, — не надо быть историком, чтобы знать, что национализм оборачивается кровью. Я давно полюбил Абхазию и ее народ, там у меня друзья, и события пятнадцатилетней давности были уже опасным симптомом. Тогда из Тбилиси пришла команда об обязательном для всех грузинском языке, и маленький гордый народ воспринял это болезненно. Выли волнения и даже кровь. Но не только это определило выбор.

Тема предательства в небольшом рассказе Искандера стала для меня центральной, потому что такие понятия, как верность, благородство, самоотверженность, с каждым годом выветривались. Их затмевали цинизм, обман, лицемерие.

— Почему же фильм популярного жанра при столь актуальной тематике не попал в прокат?

— Общая беда. Рынок проката поделили несколько компаний, которые, пользуясь бесслием властей, отсутствием сдерживающих законов, придушили демонстрацию отечественных фильмов, несущих обществу духовное, нравственное начало. «Без труда ловить рыбку из пруда» и «Деньги не пахнут» — вот девизы большинства нуворишей.

«Расстанемся, пока хорошие» не повезло чудовищно. «Пирамида», на деньги которой снята картина, оказалась в числе наиболее активных узуризаторов российского проката в пользу американского стандарта. Из прессы я узнал не так давно, что «Пирамида» принадлежит одно из почетных мест в наполнении экрана зарубежной дешевой. На мое несчастье, именно президент «Пирамиды» С. Сендык вызвался быть продюсером моей картины. Его фирма стала для фильма гробницей. По собственному признанию Сендыка, с отечественным кино он решил завязать давно. Зачем возиться с национальным кинематографом, решать проблемы производства, тиражирования, рекламы? Невыход фильма к зрителям, упущенная прибыль волновали только нас, создателей картины.

— Если сегодня так тяжело, не сожалете ли вы о падении прежнего режима?

— Я не считаю, что тоталитарный режим пал. Он приобрел иные формы. Чтобы восторжествовала подлинная демократия и с нею цивилизация, государство должно стать правовым и законами регулировать жизнь общества, защищать культуру от мракобесия, от любителей процветать за счет грабежа. Я имею в виду не только грабеж материальный, но и духовный. При нынешней ситуации в области культуры чванство коммунистическое сменилось чванством коммерческим. И слово менять не надо: то же «комчванство».

— Тем не менее все ваши фильмы сняты при советской власти. Судя по ним, вы не угождали политической конъюнктуре. Но и на «полку» ваши фильмы не укладывались. Как удавалось вам проплыть между Сциллой и Харибдой, меж цензурой и законами искусства?

— Ну «Лес»-то все-таки на «полку» засунули. А чтобы проплыть... Во-первых, избегал современной темы: неприменным условием «правдивого» отражения жизни было тогда ее искажение. Во-вторых, все фильмы снимал вдали от начальства, вне

Москвы. Я ведь никогда не состоял в штате какой-либо студии с ее парткомом, профкомом и приманками (квартира, зарплата, звание). Уезжал в Ленинград, в Киев. Первый фильм снял в Средней Азии. Даже «Белое солнце пустыни», помеченный маркой «Мосфильма», снят не в Москве, а на производственной базе «Ленфильма», в горячих песках Туркмении, куда начальство калачом не заманишь. Все касательство «Мосфильма» к этой картине было лишь в попытках картину прихлопнуть или меня заменить на своего, послушного штатного. Зато потом много лет они бойко торговали и торгуют «Белым солнцем» во всем мире, не платя ее создателям ни цента по сей день. А в-третьих, и это самое главное, пожалуй, в самых тяжелых ситуациях меня неизменно выводил счастливый случай.

— Но вы же не касались политики. Чем страшили режиссеры Суховая или комедия «Женя, Женечка и «катюша», или исторические события «Звезды пленительного счастья»?

— Знаете, мой коллега Герман как-то спросил о том же: «В чем дело, Володя, ты не снимаешь современности, почему у тебя такие сложности?» Я ответил вопросом на вопрос: «А за что они преследуют религию?» Проповедь любви к ближнему, общечеловеческие ценности для коммунистов — что красная тряпка для быка. Они легче прощают политическую фронтду, скажем, фильмов Кончаловского или Климова, чем «абстрактный» гуманизм Тарковского. Помните, как маршал Язов с трибуны заявил, что не знает, что такое общечеловеческие ценности? Людьми, которые, по словам Гитлера, свободны от химеры совести, управлять куда как проще. Представьте. «Белое солнце» показывалось уже в ста двадцати странах, обогащало кассу и кормило вождей Госкино, развешивавших по всему свету вместе с хохляками из Союза кинематографистов (разумеется, без меня), а главный блюститель порядков в кино — министр Ермаков в 1974 году на Карловарском фестивале предостерегал Смоктуновского: «Ты у него снимаешься, а этот режиссер (речь обо мне) делает всегда не то, что нам надо».

Из четырех-пяти моих предложений-заявок проскакивала «дуриком» лишь одна и часто не самая лучшая. Простои длились от двух до четырех лет. И все-таки семь фильмов были сняты не благодаря закономерностям системы (только «Лес» на «полку» «благодаря»), а вопреки и с помощью самых невероятных, фантастических случаев и стечения обстоятельств.

— Вы заканчиваете съемки нового фильма по мотивам произведений Чехова. Кажется, главным первоисточником вашего сценария послужила «Дуэль». Но ведь этот сюжет уже экранизировал И. Хейфиц — «Плохой хороший человек» с замечательными актерами О. Дале, В. Высоцким, А. Папановым, Л. Макаковой.

— Мою нынешнюю работу неправомерно причислить к экранизациям, поскольку я опирался на идеи и коллизии целого ряда произведе-

ний классика, собрав разных чеховских героев единым сюжетом, который разворачивается в наши дни. Идеи Чехова послужили как старый, прочный фундамент, чтобы на нем возвести вполне современное здание. Нравственные проблемы, волнующие потомков героев Чехова, относятся к категории вечных тем. Классика всегда многослойна. Каждое время по-своему высветливает, акцентирует в ней один из слоев.

Папа Иоанн Павел II говорил однажды, обращаясь к верующим, что посредником между Богом и обществом является художник с его обостренным подсознанием. И нет ничего удивительного в том, что кино и сцена обрастают подчас к тем же самым шедеврам классики, если в этом обращении реализуется потребность художника в отклике на назревшие в обществе противоречия.

Я не переносю само слово «экранизация». Оно рифмуется с «иллюстрацией», в которой классика не нуждается. Всякая экранизация, или инсценировка неизбежно беднее первоисточника. Кинопроизведение должно строиться по собственным законам, и художник вправе говорить о том, что волнует его современников и его самого, опираясь на образы классика.

Разумеется, многое подказала наша нынешняя жизнь, более циничная, чем во времена Чехова. Ситуации и взаимоотношения обострились, изменилась лексика. Но идеи Чехова я берегу. Для этого автора эпиграф — редкость, а в «Дуэли» есть строки из Пушкина:

...И с отвращением читая
жизнь свою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь,
и горько слезы лью...

Это раскаяние о расстрелянной юности героя, раскаяние о загубленной судьбе, не только своей, но и женщины, которую едва не погубил.

Главный духовный дефицит нынешней жизни — в терпимости, способности показаться, разглядеть врага в себе самом, а не поиск врагов вовне. Неумение, нежелание трезво взглянуть на самих себя, заглянуть себе в душу приводит к жестоким конфликтам, преступлениям и войнам, потому что при этом вырываются на волю низменные инстинкты.

Герои «Романа над пропастью» (так называется мой будущий фильм) еще не утратили стремления к истине, но каждый понимает ее по-своему. «Никто не знает настоящей правды», — признается в финале экстремист Николай, и в этом победа его над самим собой. Кажется, нет ничего общего у двух бывших друзей, главных героев, один едва не прикончил другого, но надо же — они нужны друг другу, и дуэль необходима им, чтобы прозреть. Люди беспомощны и неспособны сами навести мосты друг к другу, и примирение приходит вопреки их разумению. Случай как проявление божественной силы предотвращает несчастье. Героям понадобилась жестокая встряска, чтобы ужаснуться самим себе. Возвращение к утерянному Богу через возвращение любви к женщине, через раскаяние и

терпимость — в этом для меня сущность фильма.

— Вы верующий?

— Да. Но не церковник. Верующий в толстовском понимании веры как пути к самопознанию и нравственному самосовершенствованию. Если упал, а какая-то сила спасет себя — значит Бог в тебе не разуверился. Жан Ануй великолепно выразил это — Бог воздвигнет наиболее тяжкие препятствия тем, кто стремится взойти на вершину, до тех пор, пока верит, что человек способен преграды преодолеть. У американцев в ходу такая формула: «Трудно — это то, что можно сделать сейчас, а невозможно — это то, на что потребуются немного больше времени».

— Во времена Чехова дуэли были уже под запретом. Что говорить о нашем времени, когда привычнее выстрел в спину из-за угла или бомба в автомобиле...

— В фильме сцена дуэли задумана как экстравагантная выходка одного из героев, убежденного в необходимости возродить канувшие в Лету дуэли в качестве очистительного явления. Симптоматично, что недавно на телевидении Дмитрий Захаров посвятил передачу истории дуэлей, обратив внимание именно на нравственную сторону, когда в прошлом честь оберегалась дуэлью. Николай возненавидел бывшего друга Ивана настолько, что другого способа «исправить горбатого» уже не видит, и избирает открытый поединок, противопоставляя его мерзостям кровавых разборок и заказных убийств.

Эпиграфом к фильму я избрал слова из Псалма: «За то, что он возлюбил Меня, защищу его... Воззовет ко Мне, и я услышу его... и явлю ему спасение Мое».

Утерав Бога, мой герой стоял на краю пропасти, но его раскаяние услышало Него.

Лилия МОСКОВСКАЯ.